

ОКАЗАТЬСЯ в Дагестане и не побывать во всемирно известных Кубачах?!

...Мы ехали в ночь. На наших глазах менялись цвет и очертания гор. Небо — густосиний платок, затканый блестящими звездами, такие платки мы видели несколько часов назад на женщинах Махачкалы. А в Кубачах ранним белым утром шли женщины в белых платках, несли в медных мучалах холодную воду. И горы утром выглядели совсем другими — зеленые с рыжими отарами рододендронов — альпийских роз. Все благоухало. Казалось, и небо пропитано этим благоуханием, этим настоящим на солнце ароматом альпийского разноцветья. О таком, видно, дне говорится в одном из «Кубачинских рассказов» Абу-Бакара:

«День стоял погожий, дышалось легко. В такие дни человеку кажется, будто можно жить, питаясь лишь одним воздухом этих альпийских высот, запахами трав и альпийской розы... И хотелось думать о чем-то высоком, хотелось молчать и грустить, глядя на прекрасную и величественную природу, вечно обновляющуюся луга; неподвижные горы будто охраняющие науку-то тайну...»

В этом ауле писатель родился. О его людях — златокузнецах, прославленных на весь мир своим искусством, пишет он повести, рассказы, сценарии. Сюда, в Кубачи, в дом матери Абу-Бакара, я приехала погостить на день-другой — хотелось увидеть, почувствовать ту землю, что вырастила художника, привела в движение мысль, фантазию, одарила вдохновением. «Земля ведь многое объясняет», — сказал Александр Блок. Здесь Абу-Бакару открывалась народная жизнь, здесь крепла духовная нерасторжимость с людьми отчего края, входило в плоть языка меткое слово горцев.

Бывает, что, закрывая прочитанную вещь о дне сегодняшнем, мы ловим себя на мысли о том, что из книги невозможно было понять, кто ее автор, сыном какого народа он является, где исток его творческого труда. И сколько мы знаем рассказов, стихов и «зрими» приметы национального быта, национального колорита, но не проявляют себя с ощутимой весомостью национальный характер, национальный склад души и ума. Произведения народного писателя Дагестана Абу-Бакара напоены ароматом Даргинии, населены талантливым кубачинским людом, в них образ жизни и образ мыслей горцев, их жизнестойкость,

юмор, их мудрое, светящееся при словье.

В день рождения сына Ахмедхана его отец, народный мастер Анка Абу-Бакар, сделал медный поднос. Когда сыну исполнилось 7 лет, он снял поднос со стены, посадил мальчугана за верстак, дал резец и стал учить чечане учить традиционному кубачинскому орнаменту. Это был день рождения художника, и его Ахмедхан запомнил на всю жизнь. Спустя годы он напишет в «Кубачинских рассказах»: «Днем рождения человека в ауле мастеров считается вовсе не тот день, когда человек появился на свет с криком на устах, а тот, в ко-

же совестливое отношение к хлебу. Кому приходилось сидеть за их столом, знает: хлеб здесь не режут, его — творение человеческих рук — руками ломают, делят на куски и, не уронив ни крошки, подносят ко рту.

Недавно в издательстве «Советская Россия» вышла книга Абу-Бакара «Пламя родного очага», где рассказывается о сегодняшнем дне Дагестана, о том, как вся страна пришла на помощь, когда тут случилось земле-

Ахмедхан АБУ-БАКАР:

Мой дом родной — Кубачи

который появляется у него в руках резец...»

В ауле все — златокузнецы. «За свое отступничество от дела отца я могу оправдаться перед земляками только тем, — шутит Ахмедхан, — что пишу о них, им посвящая свои произведения».

...Бесшумно двигается по дому мать, старая, стройная красавица горянка с белокурой улыбкой, с белой шалью на белой голове, неся то блюдо с кушаньем, то кувшин воды... Ни секунды не сидит она без дела. Недаром кубачинцы, как рассказывают, берут в жены девушек только своего аула — нигде больше нет таких неутомимых тружениц.

После смерти мужа она осталась с четырьмя детьми. Война Она работает в детском доме воспитывает сирот, учит их вязать журабы — толстые теплые шерстяные носки, которые ребята отсылают солдатам на фронт. В этом же детском доме с 13 лет Ахмедхан стал работать пионервожатым. Он в то время уже овладел резцом, ходил в фабрично-заводское училище, которое существовало в Кубачах в годы войны, и был даже отмечен за свое искусство как мастер знаком Дагхудожпрома. В аул возвращались раненые. Приехал сосед — инвалид без ноги. Единственный мужчина (мужчины, дети, старики — вот аул тех забываемых дней) он сразу взялся поднимать общее хозяйство. Слово «хлеб» было в ту пору у всех на устах. Тогда Ахмедхан написал первое стихотворение об этом человеке и назвал его «Хлеб». Вскоре оно появилось в республиканской газете на даргинском языке. Осмысливая то время начало своего литературного пути, Абу-Бакар смеется: «Может быть в те гонимые годы общение с детьми родители которых погибли, защищая Родину, чувство людского соучастия в беде, чувство доброты, трудный хлеб — его было мало, но люди были щедры — породили во мне желание выразить на бумаге свое отношение к миру».

И сейчас у кубачинцев то

трясение. И, конечно же, в этой документально-публицистической книжке есть строчки о хлебе. О натруженных руках тех, кому мы обязаны душистым караваем на нашем общем столе.

...Все еще спали. Только мать несуетно и неслышно уже делала свою домашнюю работу. Я устроилась на теплом бревне неподалеку от крыльца. Облака гроздьями розовых воздушных шаров висели над головой. Они были почти неподвижны, и вдруг одно зацепилось за сирую макушку горы. И мать сказала: «Будет дождь; есть такая примета: облако гору заденет — не миновать дождя...»

Но пока еще утреннее солнце согревало остывшие за ночь каменные уступы предгорья, речонку, шумевшую в луговой тишине, и вросшие со всех сторон в небо горы. И вдруг над этой заповедной солнцем чащей дельтаплатном закурил орел. Он сделал один виток другой и медленно пошел на снижение. Мы увидели меж распластанных крыльев его склоненную голову. Мне показалось, что он стар, дряхл, что груз лет не дает ему долго парить. Я поймала себя на том, что смотрю на него глазами Уста-Хабива — героя рассказа «Два старика»:

«Над скалами летел орел, тяжело шевеля крылами, изрешеченными временем и оттого похожими на полин для хлеба в саялах кубачинцев. Было видно — на таких крыльях большой птице нелегко держаться в воздухе «Такой же старик, как и я» — подумал Уста-Хабив и вздохнул».

Со старыми мастерами-ювелирами и их молодыми учениками — прототипами героев «Кубачинских рассказов» Абу-Бакара я познакомилась на художественном комбинате. Директор Гамза Кишев — народный художник РСФСР

Расул Алиханов показали все, чем славятся Кубачи, — чеканку, эмаль, филигрань, гравировку.

Не скудеет эта земля талантами, их тут пестуют с малых лет. Мы были в школе, где преподают детям основы кубачинского искусства. Конечно, душа, рука, глаз видят с пеленок прекрасное, тянутся к нему. Но в этом ауле хорошо знают: без труда пропадет дар божий. Знают это и учат труду терпеливо и продуманно.

Проблема трудового воспитания давно занимает Абу-Бакара. Есть у него пьеса об этом — «Сказание о гончарном круге», идущая во многих театрах страны; она легла в основу ленты, которая снята сейчас на студии «Узбекфильм».

Съемки картины по другому его сценарию — «Снежная свадьба» — шли в цехах ковровой фабрики Дербента и здесь, в ауле, где располагалась съемочная группа Киевской студии имени А. П. Довженко. Сейчас работа над картиной, которую поставил заслуженный деятель искусств В. Иванов, уже завершена.

Невозможно было приехать в Дагестан и не увидеть Кубачей, и точно так же невозможно было очутиться в Кубачах в четверг, в базарный день, и не посмотреть это яркое торжище, нарядные одежды женщин, дагестанские ковры — то ли приволокли лоскуты лугов, то ли радуги последнюю дождевую впели в узор... На базаре люди, видевшие нас впервые, здоровались протягивали руки. Старый кубзар — земледелец Ибрахим из рассказа «Встреча на привале» говорит путнику-селеднику: «Что ты понимаешь в богатстве? Думаешь, набил сундук — и богат? Нет, почтенный, трижды нет! Богатство — это тепло рук, когда ты понимаешь другу руку».

О богатстве, о нравственной красоте людей горного края пишет в своих книгах Абу-Бакар. Они переведены на языки народов СССР, на многие языки мира. Только что издательство «Художественная литература» выпустило двухтомник его произведений. Туда вошли и «Кубачинские рассказы», и широко известные повести «Ожерелье для моей Серминаз», «Снежные люди» — это первый том, а во втором — «Исповедь на рассвете», «В ту ночь, готовясь умирать...», «Белый сайгак», «Солнце в «Гнезде Орла».

Социально-нравственные устремления современников, мир их души, взаимоотношения с природой — эти вопросы волнуют Абу-Бакара, который поднимает их на своем материале, под своим углом видения.

К проблемам взаимоотношения человека и природы, проектируемым на проблему

«человеческое в человеке», обращается Абу-Бакар в своей повести «Солнце в «Гнезде Орла», где рассказывает о зарождении Чиркейской ГЭС — одного из гигантов современного гидростроения.

Герою Абу-Бакара, старикам горцам, переселенке кажется смерти подобным, они в тревоге, в панике. И вдруг на всех обрушивается общая большая беда — землетрясение. Вот в такой предельной ситуации обнажается до конца нравственная суть каждого.

Строительству Чиркейской ГЭС посвящена и трилогия Абу-Бакара «Медовые скалы».

Когда стройка только началась, писатель, вернувшись из Москвы после очончания Литературного института, поехал в Чиркею. Он устроился в бригаду арматурщиков. Ничто не знал о его подлинной профессии. Абу-Бакар сдружился с молодыми рабочими, они рассказывали о себе, о своей жизни, любви. Ему же пришлось придумать себе биографию. Бригада делала успехи, и однажды приехали корреспонденты, чтобы написать об ударниках очерн. И вдруг фоторепортер на глазах у всех подошел к Абу-Бакару и спросил: «А ты что тут делаешь, Ахмедхан? Материал для книги собираешь?» Друзья обиделись. Он был в их глазах обманщиком. Пришлось уехать из Чиркеи. А вскоре была напечатана повесть «Медовые скалы», и чиркейцы пригласили Абу-Бакара на читательскую конференцию.

— Я обрадовался, — рассказывает он, — что первыми отозвались именно строители. Тогда у них не было ни конференц-зала, ни Дворца культуры, и вечером, после ужина, мы собрались в рабочей столовой. Я не нашел в зале своих друзей-арматурщиков. Неужели все разошлись? А когда конферен-

ция закончилась и я вышел на темную тогда улицу, вдруг меня кто-то подхватил под руки. Смотрю — друзья! Они сразу повели к себе и за дружеским столом напрямик высказались: что, по их мнению, получилось, а что не получилось. Я объяснил, что работа не завершена, что это первая часть трилогии. Я написал вторую книгу о строительстве Чиркейской гидроэлектростанции. Написал и третью.

А недавно закончил новую повесть — «Меня нет и не будет». Она посвящена совершенно новой теме. Но, думается, тема эта тоже нравственного наполнения. Дело в том, что многие горцы сейчас покинули аулы. Они спускаются на равнину. Государство предоставляет огромные ссуды на строительство новых современных поселков. И оставляют люди свои аулы в горах, а там, в этих аулах, в саялах и на кладбищах, — ценные памятники народного творчества. И вдруг объявились злоумышленники, стали увозить эти памятники, где-то их сбывают, продают. В Махачкалу ко мне приехали жители одного аула с просьбой помочь им отыскать похитителей памятников. Их приход и породил повесть «Меня нет и не будет». Мы должны хранить и беречь, мы должны знать и изучать то, что создано великолепными мастерами древности, нашими предками.

В издательстве «Советский писатель» готовится мой поэтический сборник. Стихи разных лет, они своеобразные поэтические паузы — мгновения между прозаическими вещами. Книга называется «Любовь бирюзового цвета» — кубачинцы называют бирюзу слезой любви, любви к дорогому человеку, к своей земле, к небесам, разуму, всему сущему, живому... Подстроичник я никому не доверяю делать, всегда готовлю его сам. Когда выполняешь эту работу, яснее ощущаешь силу и слабость стиха. Наш народ скуп на выражение своих эмоций. Религия испокон веку запрещала проявлять публично чувства, негоже было говорить о них, называть их, а это не могло не отразиться и на развитии языка. Русский очень обогатил нашу речь. Народы Дагестана уже давно стали двуязычными, русский язык помог им заговорить друг с другом и со всем миром.

...И снова машина петляла по горному серпантину, но теперь вниз, к Каспию, к Махачкале. И снова мы ехали в ночь, но звезды удалялись от нас... Абу-Бакар торопился: ему, редактору республиканской газеты «Ленинское знамя», еще надо было прочитать верстку завтрашней, воскресной литературной страницы...

Ирина РИШИНА,
специальный
корреспондент «ЛГ»
МАХАЧКАЛА — КУБАЧИ